

УДК 811.511.131

DOI 10.30914/2072-6783-2021-15-4-489-494

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СОЮЗА ШУЫСА В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ**А. Ф. Уткина***Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН,
г. Ижевск, Российская Федерация*

Аннотация. Введение. Сложноподчиненные предложения удмуртского языка характеризуются полифункциональностью многих союзов и союзных слов. Однако на сегодняшний день для союза *шуыса* 'что' в удмуртской лингвистике традиционно выделяется лишь его изъяснительная функция. Между тем указанная лексема может иметь набор дополнительных значений. **Цель статьи** – выявить функциональные возможности союза *шуыса* в современном удмуртском языке. **Материалы и методы.** Исследование проведено на основе анализа примеров из художественных и фольклорных текстов, входящих в базу Национального корпуса удмуртского языка. В качестве основных методов исследования послужили метод сплошной выборки, контекстный анализ, а также описательный метод. **Результаты исследования.** В статье были систематизированы научные труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященные вопросам изучения удмуртских союзов. Проведенное исследование позволило конкретизировать и уточнить функции союза *шуыса* 'что'. Отмечается, что в системе современного удмуртского языка союз *шуыса* 'что' является полифункциональным. **Заключение.** На основе анализа Национального корпуса удмуртского языка было выявлено, что полифункциональный и постпозитивный союз *шуыса* 'что' в текстах удмуртской художественной литературы употребляется в придаточных изъяснительных, определительных, целевых и причинных. Частотность употребления каждого из указанных семантических значений различна. Большинство сложноподчиненных предложений с исследуемым союзом возникло на базе конструкций с прямой речью, в которых *шуыса* замыкает синтаксическое единство, представляющее собой чужую речь. Изъяснительные сложноподчиненные предложения удмуртского языка могут быть трансформированы в простое предложение с беспослеложным отглагольным оборотом или с послеложным отглагольным оборотом.

Ключевые слова: удмуртский язык, синтаксис удмуртского языка, сложноподчиненное предложение, изъяснительное придаточное, постпозитивный союз, послелог

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Уткина А. Ф. К вопросу о функционировании союза *шуыса* в удмуртском языке // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15. № 4. С. 489–494. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-4-489-494>

ON THE ISSUE OF FUNCTIONING OF CONJUNCTION SHUYSА IN THE UDMURT LANGUAGE**A. F. Utkina***Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch
of RAS, Izhevsk, Russian Federation*

Abstract. Introduction. Complex sentences in the Udmurt language are characterized by the polyfunctionality of many conjunctions and connective words. Nowadays for the conjunction *shuysa* 'what' in Udmurt linguistics only its explanatory function is traditionally distinguished. Meanwhile, the specified token can have a set of additional meanings. The **purpose of the article** is to reveal the functionality of the conjunction *shuysa* in the modern Udmurt language. **Materials and methods.** The research was carried out on the analysis of examples from literary and folklore texts included in the base of the National Corpus of the Udmurt language. The main research methods were the method of continuous sampling, contextual analysis and the descriptive method. **Research results, discussion.** The article systematizes the scientific works of domestic and foreign researchers devoted to the study of Udmurt conjunctions. The conducted research made it possible to concretize and clarify the functions of the conjunction *shuysa* 'what'. It is noted that in the system of the modern Udmurt language, the conjunction of *shuysa* 'what' is multifunctional. **Conclusion.** Based on the analysis of the National Corpus of the Udmurt language, it was revealed that the multifunctional and postpositive conjunction *shuysa* 'what' in the texts of Udmurt fiction is used in subordinate explanatory, determinative, target and causal. The frequency of use of each of these semantic meanings is different. Most of the complex sentences with the conjunction under study

arose on the basis of constructions with direct speech, in which *shuysa* closes the syntactic unity, which is someone else's speech. Explanatory complex sentences of the Udmurt language can be transformed into a simple sentence with a non-postpositive verbal clause or with a postpositive verbal clause.

Keywords: the Udmurt language, syntax of the Udmurt language, complex sentence, explanatory clause, postpositive conjunction, postposition

The author declares no conflict of interests.

For citation: *Utkina A. F.* On the issue of functioning of conjunction *shuysa* in the Udmurt language. *Vestnik of the Mari State University*. 2021, vol. 15, no. 4, pp. 489–494. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-4-89-494>

В системе современного удмуртского языка союз *шуыса* 'что' относится к постпозитивным союзам, обладающим рядом значений. В работе А. Ф. Шутова «Постпозитивные союзы в сложноподчиненных предложениях» [10] к указанным единицам отнесены такие союзы, «которые употребляются не в начале придаточной части сложноподчиненного предложения, а в конце или (реже) середине ее» [10, с. 169]. Помимо союза *шуыса*, к постпозитивным союзам удмуртский исследователь причисляет также такие союзы, как *бере*, *дыръя*, *кадь*, *вылысь* и так далее.

Впервые постпозитивные союзы были рассмотрены эстонским исследователем Ф. И. Видеманном в грамматике удмуртского языка [14]. Он отмечает, что союз *шуыса* функционально соответствует немецким *da*, *damit* [10, с. 170].

Другой зарубежный исследователь Х. Винклер в работе «Der uralaltaische Sprachstamm» [15] рассматривает союзы *ке*, *ке но*, *шуыса*, *гинэ* и отмечает сходство употребления союза *шуыса* и соответствующего ему монгольского союза.

Постпозитивные союзы также исследованы в работе К. М. Баушева [2], где ученый отмечает, что «вносные предложения с союзом *шуыса* «сказав» как придаточные начинают оформляться на базе прямой речи»¹. Продолжая гипотезу К. М. Баушева, А. Ф. Шутов подчеркивает, что «в современном удмуртском языке встречаются реликты, отражающие случаи перехода предложений с прямой речью в сложноподчиненные предложения» [10, с. 170].

Относительно этимологии данного союза, ученые единогласно подчеркивают постпозитивное происхождение *шуыса*. В частности, П. Н. Пе-

ревошиков² [6; 7] подробно рассматривает функции и происхождение союзов *шуыса*, *бере*, *дыръя*. Удмуртский ученый подчеркивает, что союз *шуыса* образован от глагола *шуыны* 'говорить, сказать'. Как отмечает П. Н. Перевошиков, у этого союза имеется несколько функций. Чаще всего он подчиняет придаточное дополнительное (изъяснительное) главному предложению, например, *Гурезь йылэ туристъес жьытазе гинэ вуизы шуыса, милем ивортйзы* 'Нам сообщили, что туристы дошли до вершины горы только вечером' [6, с. 41]. В то же время *шуыса* может находиться в придаточном причины, в этом случае слова *мед*, *медаз* подчиняет придаточное причины: *Пинальёс гурезь йылэ ик тубизы, отысен куасэн нискылскыны умой шуыса* 'Дети взобрались прямо на вершину горы, объяснив это тем, что оттуда хорошо спуститься на лыжах' [6, с. 41].

В своих трудах П. Н. Перевошиков также предложил принципы разграничения деепричастных оборотов с *шуыса* и сложноподчиненных предложений с союзом *шуыса*, которые в некоторых грамматиках удмуртского языка ошибочно были введены в раздел предложений с деепричастными оборотами³.

В работе В. К. Кельмакова «Об отглагольных послелогов *шуыса* и *луыса* в удмуртском языке» [5] также подробно исследованы особенности употребления исследуемых лексем в системе современного удмуртского языка. Ученый подчеркивает, что основная служебная функция деепричастия *шуыса* 'говоря' – союзная, послеложные же функции оно выполняет в двух случаях:

1) во-первых, в глагольных словосочетаниях имени с ограниченным количеством глаголов

¹ Баушев К. М. Синтаксический строй вотской речи и генезис частиц союзного порядка. М.; Л., 1929. С. 45.

² Перевошиков П. Н. Сложноподчиненные предложения в удмуртском языке. Ижевск, 1939. 75 с.

³ Там же. С. 41.

в качестве стержневого слова: *ниманы* ‘назвать’, *нимаськыны* ‘называться’, *лыдъяны* ‘считать, принимать за...’ и т.д., например, в таких предложениях, как: *Но сыёе сюрес вылтй ке мынысалмы, асьмеос большевикёс шуыса нимаськыны ой быгатысалмы* ‘Но если бы мы пошли по такому пути, не имели бы права называться большевиками’ [5, с. 127]; *Вашкала дыръя жегез юг палан жаг-турын шуыса лыдъяло вылэм...* ‘В древности рожь на юге считали сорняком’ [5, с. 129]. В данных предложениях *шуыса* не выступает в качестве самостоятельного члена предложения, а выполняет совместно с именами существительными роль обстоятельства образа действия, подобно послелогу [5, с. 128];

2) во-вторых, сочетание *шуыса* с формой дательного падежа имени существительного служит для выражения объектно-целевого отношения, например: *Губилы шуыса потэм вал но, пужмер улэ сюрес, лэся, ини, буи кудыен бертйсько* ‘Отправилась было за грибами, да их, видимо, прихватило уже заморозками, вот и возвращаюсь с пустой корзиной’ [5, с. 129]; *Водопровод кинлы шуыса лэсьтэмын?* ‘Для кого сделан водопровод?’ [5, с. 130]. В приведенных предложениях глаголы *потэм вал*, *лэсьтэмын* присоединяют существительные в дательном падеже с отглагольным образованием *шуыса*, в данном случае утратившим употребления статус знаменательного слова и выполняющим функцию послелога [5, с. 130].

Важно подчеркнуть, что подобное происхождение союзов от знаменательных частей речи характерно и для других языков (см. в частности: [3]).

Типологические особенности употребления союза *шуыса* рассмотрены также в трудах финского ученого Р. Бартенс и болгарского исследователя Е. Георгиевой. Как подчеркивает Р. Бартенс, придаточные с конечным аргументом содержат дополняющий элемент *šujsa*, который образован от формы глагола *šij-* «сказать». Аналогичные дополнительные элементы встречаются в марийском, татарском, чувашском и монгольском языках; ранее утверждалось, что развитие этого элемента в удмуртском языке происходит под татарским влиянием [12, с. 311]. Указанная мысль находит выражение и в работе Е. Георгиевой «Non-finite adverbial clauses in Udmurt», в которой подробно исследуется грамматика удмуртского языка, и, в частности, неопределенные обстоятельственные придаточные предложения [17, с. 34].

Анализируя особенности дистрибуции английской грамматической структуры «сложное дополнение», молодой исследователь А. А. Тимбекова отмечает, что данная конструкция переводится на удмуртский язык сложноподчиненными предложениями с придаточными изъяснительными, например: *I never saw a man laugh so much* ‘Вань улытозям ой адзылы, адями сомында мед серекъялоз шуыса’ [8, с. 164]; *James had said he would be lonely* ‘Джеймс вераз, солы огназ мөзмыт луоз шуыса’ [8, с. 164]. Это объясняется тем, что изъяснительные придаточные предложения являются развернутыми дополнениями сказуемого главного предложения и отвечают на те же вопросы, что и простые дополнения, а также с использованием отглагольных оборотов [8, с. 164].

Русские лингвисты, опираясь на анализ данных Национального корпуса русского языка, рассмотрели изъяснительные придаточные при оценочных существительных, которые можно перевести на удмуртский язык при помощи союзов *шуыса* или *что*: *Молодец, что проявил характер и вытащил пятый раунд* [2, с. 231] ‘Жечок, (что) аслэсьгыз сямзэ адзытйз но витетй раундэз поттйз (шуыса)’; *Туська, – позвал папа. – Вот умница, что встала с постельки* [2, с. 235] ‘Туська, – отиз атаез. – Вот жечок, (что) иземысь султйд (шуыса)’.

Удмуртский исследователь Р. И. Яшина отмечает, что «придаточные с союзом *шуыса* придают всему сложному предложению оттенок разговорности, просторечия, поэтому их чаще можно встретить в произведениях фольклора и в устной разговорной речи» [11, с. 90]. В своей статье ученый также упоминает о том, что союз *шуыса* встречается и в уступительном придаточном предложении: *Ойдо, Матронлэсь трос ик уд тоды, контораын ужа шуыса, чужонзэ но гур эстонзэ сяна уг вала* (Г. Красильников) ‘Ну да, от Матрены много не узнаешь, несмотря на то что работает в конторе, — кроме метлы и топки печи ничего не понимает’. В данном случае такие сложноподчиненные предложения поясняют предложения с отрицательной модальностью и переводятся на русский язык конструкцией *с несмотря на* [11, с. 93].

Удмуртский лингвист А. А. Шибанов относит подчинительный союз *шуыса* к придаточным цели и изъяснительным придаточным, например, в предложении: *Пинальёс ваньзы умой мед валадозы шуыса, дышетйсь верослэсь кыкетй люкетсэ эшишо лыдйиз на* ‘Чтобы все ребята хорошо

поняли, учитель еще снова прочитал вторую часть рассказа' [9, с. 97] *шуыса* выступает в роли союза цели. В другом предложении – *Огпол ми Нина сузэреным тодйм, атаймы кык нуналлы дорысь кошке шуыса* 'Однажды мы с сестрой Ниной узнали, что наш отец отлучается из дому на два дня' [9, с. 98] – данный союз выступает в роли изъяснительного союза.

Учитывая вышесказанное, можно заметить, что в трудах исследователей удмуртского языка отмечается полифункциональность союза *шуыса*. Однако в связи с новыми достижениями синтаксиса как науки, а также в связи с развитием Национального корпуса удмуртского языка, многие лингвистические явления требуют конкретизации и корректировки. Здесь стоит отметить, что Национальный корпус удмуртского языка существует с конца 2019 года и является информационно-справочной системой, основанной на собрании удмуртских текстов в электронной форме и находящейся на портале <http://udmcorpus.udman.ru/body>. В настоящее время объем корпуса состоит примерно из 3,5 млн словоупотреблений и постепенно пополняется. Разработка корпуса осуществляется сотрудниками Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН. На основе анализа художественных и фольклорных текстов, входящих в базу Национального корпуса удмуртского языка, были выявлены следующие синтаксические функции союза *шуыса*:

1. Придаточные изъяснительные: *Валя вöзын сыййез валацкиз, лэся, эшезлы юрттыны кулэ шуыса* (Т. Архипов) 'Стоящий рядом с Валею, видимо, догадался, что надо помочь другу'; *Асьмеос ог-огмылы кыл сётйм вал, ноку но ум люкиське шуыса* (В. Сергеев) 'Мы друг другу слово давали, что никогда не расстанемся'.

2. Придаточные причины: *Эмез уз луы шуыса, лэся, Олёна кенак аракызэ пелляса удоно кариз* (М. Петров) 'Полагая, что иначе не будет пользы, Олёна кенак решила угостить самогонкой с соответствующим наговором'; *Нокинэз өвёл шуыса, Вася кошкыны турттэ ни вал* (Г. Красильников) 'Полагая, что никого нет, Вася хотел уже уйти';

3. Придаточные цели: *Солдатъёс мултэс медаз юалляське шуыса, Шамиль ачиз вераськон мытыны дыртйз* (С. Самсонов) 'Чтобы солдаты излишне не допрашивали, Шамиль поспешил сам завести разговор'; *Эн сюлмаське, мон поездлэсь уг кылы, ёс ке чогамын, вагон йылэ кечырско, — Лида но мед кылоз шуыса, воргоронлы кеськыса вераз Петя* (С. Самсонов) 'Не беспокойтесь, я от поезда не отстану, если дверь закрыта, то я на вагон заберусь, — чтобы Лида услышала, Петя громко сказал мужчине'.

4. Придаточные определительные: *Чочиялы кикур быдза бумага лэзиллям, пиед «без вести» быремын шуыса* (Г. Красильников) 'Чочии послали бумажку размером с ладонь о том, что сын ее «без вести» пропал'; *Фаина, кёлыны выдыкыды тодады коть ваелэ, кытын ке но тйледыз малпась адыми вань шуыса...* (Г. Красильников) 'Фаина, ложась спать хоть вспоминайте о том, что где-то есть человек, думающий о вас...'. Данные предложения с союзом *шуыса* входят в группу определительных придаточных в виду того, что придаточная часть имеет указательное значение, она называет признак, выделяющий предмет из числа подобных ему.

Из вышесказанного следует, что союз *шуыса* является полифункциональным, т.е. может использоваться в придаточных изъяснительных, цели, причины и определительных. Аналогичная тенденция характерна и для некоторых других языков, в частности, для русского и итальянского [1; 4]. В перспективе целесообразно также исследовать синонимические ряды конструкций с союзом *шуыса*.

Таким образом, опираясь на Национальный корпус удмуртского языка, можно отметить полифункциональность постпозитивного союза *шуыса*. Он широко употребляется в придаточных изъяснительных, целевых и причинных, реже используется для связи определительных придаточных с главными частями. Большинство сложноподчиненных предложений с данным союзом возникли на базе конструкций с прямой речью, в которых деепричастие *шуыса* замыкало синтаксическое единство, представляющее собой чужую речь.

1. Аверьянова Н. А. Сложноподчиненные предложения в зеркале корпуса ошибок инофонов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 11. Ч. 2. С. 274–278. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-2.12>

2. Ван Илин, Воейкова М. Д. Изъяснительное придаточное при оценочных существительных // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2020. № 196. С. 230–238. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izyasnitelnoe-pridatochnoe-pri-otsenochnyh-suschestvitelnyh> (дата обращения: 08.07.2021).

3. Гусев В. Ю. О камасинском постпозитивном условно-временном союзе *dak* // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2020. № 4 (26). С. 76–89. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45697820> (дата обращения: 08.07.2021).
4. Жолудева Л. И. Конкуренция причинных/пояснительных союзов в итальянском языке XVI – начала XVII века // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2018. № 2. С. 14–21. URL: <https://readera.org/konkurencija-prichinnnyh-pojasnitelnyh-sojuzov-v-italjanskom-jazyke-xvi-146281236> (дата обращения: 08.07.2021).
5. Кельмаков В. К. Об отглагольных послелогох *шуыса* и *луыса* в удмуртском языке // Вопросы удмуртского языкознания. 1973. Вып. 2. С. 123–151.
6. Перевошиков П. Н. Удмурт кылын сложноподчиненной предложениос // Удмурт кылын морфология но синтаксис во-просъёс. 1-тй сборник. 1938. С. 31–74.
7. Перевошиков П. Н. Союзы подчинения в удмуртском языке: Функции и происхождение союзов *шуса*, *бере*, *дыръя*. М. 1946. 221 с.
8. Тимбекова А. А. К вопросу о переводе английской конструкции «сложное дополнение» на удмуртский язык // Богатство финно-угорских народов: материалы IV Международного финно-угорского студенческого форума. 2017. С. 163–165. URL: https://marsu.ru/events/fino_ygr_forum/files/sbornik4.pdf (дата обращения: 08.07.2021).
9. Шибанов А. А. Функциональные омонимы в удмуртском языке. Союзы и союзные слова // Коми-пермяцкий язык и культура: прошлое, настоящее, будущее: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 60-летию коми-пермяцкого русского отделения ПГТТУ. 2015. Вып. XII. С. 96–101.
10. Шутов А. Ф. Постпозитивные союзы в сложноподчиненных предложениях удмуртского языка // Пермистика: Диалекты и история пермских языков: сборник статей. 1992. С. 169–173.
11. Яшина Р. И. Синтаксические конструкции со словом *шуыса* в удмуртском языке // Историко-культурные связи пермских народов (по данным фольклора и языка). 1981. С. 78–95.
12. Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki : SUS, 2000. 238 p. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/19524742.pdf> (дата обращения: 10.07.2021).
13. Georgieva E. Non-finite adverbial clauses in Udmurt. PhD dissertation. Szeged, 2018. 211 p. URL: http://doktori.bibl.u-szeged.hu/id/eprint/10022/1/Georgieva_PhD_2018.pdf (дата обращения: 08.07.2021).
14. Wiedemann F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch wotjakischen Wörterbuche. Reval, 1851. 390 p.
15. Winkler H. Der Uralaltaische Sprachstamm, das Finnische und das Japanische. Berlin, F. Dümmler, 1909. 316 p.

Статья поступила в редакцию 02.08.2021 г.; одобрена после рецензирования 23.09.2021 г.; принята к публикации 29.09.2021 г.

Об авторе

Уткина Александра Филипповна

аспирант, младший научный сотрудник отдела филологических исследований, Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (426004, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1783-0380>, sandra199608@rambler.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Averyanova N. A. Slozhnopodchinennye predlozheniya v zerkale korpusa oshibok inofonov [Complex sentences in the mirror of the corpus of the errors made by foreign students]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philology. Theory & Practice, 2018, no 11, part 2, pp. 274–278. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-2.12>
2. Van Ilin, Voeikova M. D. Iz'yasnitel'noe pridatochnoe pri otsenochnykh sushchestvitel'nykh [Explanatory clauses with evaluative nouns]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena* = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences, 2020, no 196, pp. 230–238. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/izyasnitelnoe-pridatochnoe-pri-otsenochnykh-sushchestvitelnykh> (accessed 08.07.2021). (In Russ.).
3. Gusev V. Yu. O kamasinskom postpozitivnom uslovno-vremennom soyuze *dak* [About Kamas postpositive conditional-temporal conjunction *dak*]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* = Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute, 2020, no 4 (26), pp. 76–89. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45697820> (accessed 08.07.2021). (In Russ.).
4. Zholudeva L. I. Konkurenciya prichinnykh / poyasnitel'nykh soyuzov v ital'yanskom yazyke XVI – nachala XVII veka [Rivalry of causal / explanatory conjunctions in the 16th – early 17th century Italian]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya"* = Herald of Tver State University. Series: Philology, 2018, no 2, pp. 14–21. Available at: <https://readera.org/konkurencija-prichinnnyh-pojasnitelnyh-sojuzov-v-italjanskom-jazyke-xvi-146281236> (accessed 08.07.2021). (In Russ.).
5. Kelmakov V. K. Ob otglagol'nykh poslelogakh *shuysa* i *luysa* v udmurtskom yazyke [On the verbal postpositions of *shuysa* and *luysa* in the Udmurt language]. *Voprosy udmurtskogo yazykoznanija* = Questions of Udmurt Linguistics, 1973, issue 2, pp. 123–151. (In Russ.).

6. Perevoshchikov P. N. Udmurt kylyn slozhnopodchinenoj predlozhenios [Complex sentences in the Udmurt language]. *Udmurt kylyn morfologiya no sintaksis vopros'es. 1-ti sbornik* = Morphological and syntactical questions in the Udmurt language. The 1st collection, 1938, pp. 31–74. (In Udm.).
7. Perevoshchikov P. N. Slozhnopodchinennye predlozheniya v udmurtskom yazyke [Complex sentences in the Udmurt language]. Izhevsk, 1939, 75 p. (In Russ.).
8. Timbekova A. A. K voprosu o perevode angliiskoi konstruktsii "slozhnoe dopolnenie" na udmurtskii yazyk [On the question of translating the English construction "complex object" into the Udmurt language]. *Bogatstvo finno-ugorskikh narodov: materialy IV Mezhdunarodnogo finno-ugorskogo studencheskogo foruma* = The Wealth of the Finno-Ugric Peoples: Materials of the IV International Finno-Ugric Student Forum, 2017, pp. 163–165. Available at: https://marsu.ru/events/finno_ygr_forum/files/sbornik4.pdf (accessed 08.07.2021). (In Russ.).
9. Shibanov A. A. Funktsional'nye omonimy v udmurtskom yazyke. Soyuzy i soyuznye slova [Functional homonyms in the Udmurt language. Conjunctions and connective words]. *Komi-permyatskii yazyk i kul'tura: proshloe, nastoyashchee, budushchee: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem, posvyashch. 60-letiyu komi-permyatskogo russkogo otdeleniya PGGPU* = Komi-Permian language and culture: past, present, future: materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation, dedicated to the 60th anniversary of the Permian Komi-Permian Russian branch of Perm State Pedagogical University, 2015, issue XII, pp. 96–101. (In Russ.).
10. Shutov A. F. Postpozitivnye soyuzy v slozhnopodchinennykh predlozheniyakh udmurtskogo yazyka [Postpositive conjunctions in complex sentences of the Udmurt language]. *Permistika: Dialekty i istoriya permskikh yazykov: sbornik statei* = Permistics: Dialects and history of the Permian languages: collection of articles, 1992, pp. 169–173. (In Russ.).
11. Yashina R. I. Sintaksicheskie konstruktsii so slovom *shuysa* v udmurtskom yazyke [Syntactic constructions with the word *shuysa* in the Udmurt language]. *Istoriko-kul'turnye svyazi permskikh narodov (po dannym fol'klora i yazyka)* = Historical and cultural connections between the Permian peoples (according to folklore and language), 1981, pp. 78–95. (In Russ.).
12. Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki: SUS, 2000. 238 p. (In Finn.) Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/19524742.pdf> (accessed 10.07.2021).
13. Georgieva E. Non-finite adverbial clauses in Udmurt. PhD dissertation. Szeged, 2018. 211 p. Available at: http://doktori.bibl.u-szeged.hu/id/eprint/10022/1/Georgieva_PhD_2018.pdf (accessed 08.07.2021). (In Eng.)
14. Wiedemann F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch wotjakischen Wörterbuche. Reval, 1851. 390 p. (In Ger.).
15. Winkler H. Der Uralaltaische Sprachstamm, das Finnische und das Japanische. Berlin, F. Dümmler, 1909. 316 p. (In Ger.).
(12, 14, 15 нужны названия на английском языке)

The article was submitted 02.08.2021; approved after reviewing 23.09.2021; accepted for publication 29.09.2021.

About the author

Alexandra F. Utkina

Postgraduate student, Junior Researcher of the Department of Philological Research, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of RAS (4 Lomonosov St., Izhevsk 426004, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1783-0380>, sandra199608@rambler.ru

The author has read and approved the final manuscript.